

После утреннего совещания, Кошун, юный император, не направился во внутренний двор, где располагался зал Гёкоу, а, словно ведомый тайным зовом, отправился на юг дворца. Вдали от помпезных правительственных зданий, словно затерянный в пустоте, стоял тихий храм Сэйю, окруженный обветшалыми глинобитными стенами. Краска на воротах облупилась, дощечка с названием склонилась, а грязь отваливалась от стен, словно откровенно демонстрируя забвение. Кошун сошел с паланкина у ворот храма, некогда бывших символом царской власти. Здесь императоры спускались с коней или паланкинов, отдавая дань божественной силе. — Храм Сэйю, — прочитал Кошун название на доске, уже потерявшей былую красоту. Храм был посвящен Вулиану Ниангяну, божеству с древними корнями, и в его стенах располагался кабинет Зимнего министра, главы Департамента божеств. Пройдя через ворота, Кошун оказался на камнях, вымощенных когда-то дорожке, но теперь расколотых и разбитых, словно от бесчисленных шагов времени. Пагода с медными фонарями, покрытая зеленой ржавчиной, стояла в стороне, а три больших горелки для благовоний перед храмом не горели, не излучая успокаивающий дым. Краска на храме облупилась, словно от ветра времени, а некоторые места были изъедены насекомыми, словно от неумолимого течения жизни. Фонари, висевшие на карнизах, были починены в местах, где были порваны, а знамена, хотя и починили, но их повреждения были серьезными, словно от печали о забытых богах. Внутри было пусто и холодно, а картина Вулиана Ниангяна на передней стене выделялась в бледном солнечном свете, словно угрожающее присутствие. Алтарь был вычищен, но старый, облупившийся лак не удалось скрыть, словно отпечаток уходящего времени. Перед храмом стояли все члены Зимнего министерства, ожидая визита императора. "В полном составе", — подумал Кошун, но это звучало не так впечатляюще, как казалось, ведь в Зимнем министерстве работало всего одиннадцать человек. Все они были одеты в тусклые мантии цвета пасмурного неба, но один старик, стоявший впереди, был одет в темно-серую, синевато-черную мантию, — Зимний министр. Считалось, что серые мантии — это символ слуг Вулиан Ниангян. Старик попытался поклониться Кошуну, но, возможно, из-за возраста, зашатался и упал на колени. — Подними голову, — сказал Кошун, и двое молодых людей в серых одеждах, стоявших позади старика, поддержали его, когда он собирался встать. — Я — Зимний министр, Сэцу Гёэй, — представился старик, его голос был тверд, несмотря на хрупкость тела. — Я слышал, что вы уже давно лежите в постели от болезни. Вы уже выздоровели? — Мне очень жаль слышать, что вы беспокоились о моем здоровье, Ваше Величество. Как вы видите, я старый человек и склонен к болезням. Но последние несколько дней я чувствую себя гораздо лучше. Войдя в храм, Кошун сел в кресло, стоявшее у решетчатого окна. Сэй стоял рядом с ним. — Я искренне прошу прощения за то, что вынужден был много раз посылать ко мне гонца. И я очень рад, что Ваше Величество посетило меня. Как вы видите, это старый храм. Милостивый государь, у нас даже нет средств на его ремонт. Прошу простить его неприглядность, — тон Гёэя был учтивым, но несколько легким. Неужели он смеется над молодым императором? Кошун проверил выражение лица Гёэя. — Что у вас здесь за дело? — спросил Гёэй. Кошун слегка сузил глаза от тонкого солнечного света, проникающего через решетчатое окно, и уставился на настенную картину с изображением Вулиана Ниангяна. — Я хочу спросить тебя о Вороне-консорте. — Хаа, так ты говоришь... — глаза Гёэя, скрытые под длинными белыми бровями, дрогнули. Кошун заметил, что его глаза были удивительно острыми. — Говорят, что супруга Ворона была заключена во внутреннем дворце, чтобы император предыдущей династии мог монополизировать ее власть. Об этом написано только в Цусинши, и это не описано в официальной истории Суцутэн. Это был зимний министр предыдущей династии, который оставил Цусинши. Вот я и подумал, что если кто и знает о Вороньем Супруге, так это Зимний Министр. Гёэй в раздумье погладил подбородок. — Я уверен, что все, что касается Супруги Ворона, было прописано в указах. Я служу Вулиан Ниангян, а не Вороньей Супруге. Какой хитрый старик, подумал Кошун, глядя на Гёи. — В указах описано только обращение с Вороньим Консортом. Я хочу спросить о самой Супруге Ворона. Есть некоторые вещи, которые показались мне странными. Мой дед — император до последнего ненавидел магию до такой

степени, что изгнал всех шаманов из столицы, и все же он оставил Супругу Ворона, которая так же использовала странные искусства, такой, какой она была. В последнее время в Кошуне нарастало слабое чувство дискомфорта. А тут еще и доклад Онкэя. Слова, которые произнес Хёгетсу. — Супруг Ворона, почему ты довольствуешься тем, что заключен во внутреннем дворце? Вы могли бы иметь все, если бы только пожелали. Гёй погладил свою бороду со сложным выражением лица. — ...Император Пламени ненавидел шаманов, потому что император предыдущей династии высоко ценил их. Император Пламени с презрением относился к проклятиям и всему подобному. Но потом появились призраки. — Что? — Призраки императора и императорской семьи предыдущей династии появились в спальне Императора Пламени. Это настолько обеспокоило его, что он, наконец, обратился к Супруге Ворона с просьбой сделать что-нибудь с этим. — ...Это был не просто слух? Кошун решил, что это абсурдная история о призраке. — Это правда. Супруга Ворона изгнала призраков. Таким образом, Император Пламени наконец-то смог спокойно спать по ночам. Поэтому он больше не мог грубо обращаться с Супругой Ворона. Вот что произошло. Кошун скрестил руки. — Это я знаю. Тогда что еще? — Хорошо, — Гёй погладил свою бороду. — Я всего лишь Зимний министр этого заброшенного храма, поэтому я многого не знаю. — Понятно. Я скажу чиновникам Министерства финансов, чтобы они ссудили деньги на ремонт. Гёй поднял бровь. Его длинные глаза с прорезьями смотрели вдаль, заставляя Кошуна думать, что когда-то он, должно быть, был красивым молодым человеком. — Ваше Величество, я не по своей воле дал вам информацию ради такого торга. Это огорчительно. Если этот храм опустеет и народная вера отвернется от Вулиан Ниангнян, значит, так тому и быть. Меня это устраивает. Кошун получил сообщения о том, что храмы Вулиан Ниангнян опустели во многих местах, не только в столице. Зимний министр долгое время был синекурой, поэтому можно было только представить, что творится в провинциях. — Говорят, что супруга Ворона также была жрицей Вулиан Нианьян. — Так и есть. — Значит, ее жрица заточена во внутреннем дворце, а ее жрец — бездельник? Усы Гёй подергивались. Казалось, что он улыбается. Кошун наклонился ближе и прошептал достаточно тихо, чтобы никто не услышал: — Неужели супруга Ворона способна получить всё, чего только пожелает? — бросил Гёй, сбрасывая маску хитрого старца. Его глаза расширились от удивления, а язык словно окаменел. — Откуда тебе... — Есть ещё кое-что, что кажется мне странным. Дворец Ямэй, где обитает супруга Ворона, находится прямо напротив моего зала Гёкоу. Почему? — продолжил он, сдвинув брови. Дворец, сияющий даже в ночной мгле, и зал, где конденсировался свет. Дворец Ямэй, словно хозяин, располагался в самом центре внутреннего дворца. — Кто же этот Вороний Супруг? Мысленно ругаясь, хитрый старик Кошун покачивался в паланкине. — Что за странные слова! Консорт Ворона — это Консорт Ворона, как и положено! — Гёй мгновенно собрался с мыслями и ответил уклончиво, не касаясь сути. — Я не имею дела с внутренним дворцом, поэтому не знаю о Консорте Ворона. Тебе следует спросить её саму. — О да, я слышал, что она способна изгонять злых духов, мешающих сну. Ваше Величество, не задумывались обратиться к ней за помощью? Вы последнее время плохо спите, не так ли? Цвет лица у вас неважный. — Он говорил это, сам не зная ничего о Вороньей Супруге. Кошун потёр лоб. Действительно, он плохо спал. Но выглядел ли он настолько нездоровым? И Сэй действительно беспокоилась о нём. Кошун вздохнул и слегка отодвинул занавеску. — Сэй, меняем маршрут. Мы направляемся во внутренний дворец, а не в зал Гёкоу. — Да, Ваше Величество, — ответил И Сэй.